

С. П. ПОЖАРСКАЯ

О ПРИЗНАНИИ ИСПАНИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ США

Вопрос об участии Испании в войне за независимость английских колоний в Америке неоднократно привлекал внимание испанских и американских историков. Первыми серьезными исследованиями были фундаментальные труды профессора Мадридского университета Х. Ф. Ела Утрилья и испанского историка М. Конроте, написанные на основании документов Национального исторического архива и изданные к 150-летию американской революции¹. Последующие работы как испанских, так и североамериканских историков во многом опирались на вышеназванные труды².

Несколько расширил документальную базу, доступную широкому кругу историков, изданный в 1944 г. в Мадриде двухтомный аннотированный каталог, содержащий в извлечениях многие важные документы эпохи³. В настоящее время в связи с 200-летием войны за независимость в Мадриде готовится к публикации «Памятный том», посвященный роли Испании в американской революции⁴. В советской историографии роль Испании в войне за независимость США до сих пор подробно не освещалась. Между тем хранящиеся в Архиве внешней политики России донесения С. С. Зиновьева, русского посла в Мадриде с 1774 по 1794 г., позволяют несколько расширить известный до сих пор круг источников по данной проблеме и по-новому рассмотреть некоторые грани испано-американских отношений эпохи войны за независимость.

* * *

С первых месяцев своей деятельности конгресс Соединенных Штатов пытался заручиться поддержкой Испании в войне против Англии, добиваясь также признания Карлом III независимости колоний. Полагая, что в Мадриде не примирились с печальными для него итогами Семилетней войны, деятели конгресса надеялись, что Испания не откажется в новой вой-

¹ J. F. Yela Utrilla. *España ante la independencia de los Estados Unidos*, t. I—II. Lerida, 1925; M. Conrotte. *La intervención de España en la independencia de los Estados Unidos de la América del Norte*. Madrid, 1920.

² Подробнее о дипломатической истории войны за независимость, в частности об отношениях с Испанией, см. S. Bemis. *The Diplomacy of American Revolution*. New York — London, 1935; R. B. Morris. *The Peace Makers*. New York, 1965, а также библиографический указатель S. Bemis, G. Griffin. *Guide to the Diplomatic History of United States*. Washington, 1935, p. 18—22; A. M. Schop Soler. *Die Spanisch-russischen Beziehungen in 18 Jahrhundert*. Wiesbaden, 1970.

³ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos». *Introducción y catálogo*, t. I—II. Madrid, 1944.

⁴ «Final Report of the American Revolution Bicentennial Commission», vol. II. Washington, 1973, p. 39.

не с Англией искать восстановления своей власти. Вместе с тем деятели конгресса имели, как им казалось, достаточно веские основания предполагать, что Испания окажет помощь восставшим английским колониям. В тот период Испания переживала эпоху «просвещенного абсолютизма». Идеи Просвещения, попадая на испанскую почву, приобретали плоть и кровь в экономических реформах, преследовавших цель ослабить путы феодализма и тем самым преодолеть обозначившуюся к тому времени отсталость страны. Программа реформ, требовавших немалых средств и порядком истощавших казну, начала приносить в рассматриваемое время лишь первые ощутимые плоды. Но заокеанским конгрессменам Испания представлялась страной неограниченных возможностей.

В своих надеждах добиться поддержки Испании деятели американской революции полагались не только на застарелую вражду Испании к Англии. Записки делегата второго Континентального конгресса Томаса Джефферсона, который присутствовал на всех его заседаниях и сформулировал мнение большинства участников обсуждения, дают ясное представление о том, на чем основывали свои надежды первые американские конгрессмены.

По свидетельству Джефферсона, участники конгресса сошлись на утверждении, что только конституирование штатов в самостоятельное государство даст возможность установить дипломатические отношения с европейскими государствами. Что касается Франции и Испании, то члены конгресса, согласно записям Джефферсона, отдавали себе отчет в том, что правительства этих стран имеют основания завидовать растущей мощи Соединенных Штатов, «которая в один прекрасный день лишит их всех их американских владений»⁵. Но даже при условии, что «Франция и Испания будут завидовать нашей растущей мощи,— подчеркнул господствующее мнение Джефферсон,— они могут думать, что эта мощь станет еще более грозной в союзе с Великобританией, а поэтому в интересах этих держав было не допустить коалиции»⁶.

Усилия американского конгресса встретили поддержку у испанского посла в Париже графа Аранды⁷, с самого начала стремившегося убедить министра иностранных дел Испании маркиза М. Гримальди признать независимость Соединенных Штатов. Аргументы, приводимые Арандой, показывают, что он трезво оценивал возможную тенденцию развития испано-американских отношений в будущем и был далек от их идеализации. Испанский посол полагал, что независимо от того, освободятся ли английские колонии или нет, испанским владениям в Северной Америке угрожает опасность от соседства агрессивных североамериканских поселений. Его тревожил их бурный рост, опасность поглощения ими менее многочисленных испанских владений⁸. Аранда пытался убедить Гримальди, что договор с Соединенными Штатами в обмен на вступление Испании в войну может гарантировать в будущем сохранность смежных колониальных владений. Он настаивал на своей точке зрения, считая, что опасения Мадрида потерять суверенитет над своими колониями, ободренными американской революцией, не имеют под собой основания.

С самого начала американской революции мадридский двор не был склонен рассматривать необходимость сразиться с Англией и признание неза-

⁵ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by B. Princeton, vol. I. 1950, p. 309.

⁶ Ibidem.

⁷ «Арагонский граф чистой крови, глава армии, президент высшего правительственного учреждения — Кастильского совета — граф Аранда всего менее походил на испанца. Он рано вступил в личные отношения с Вольтером и сделался поклонником всех крайностей современного радикализма. Открыто и горячо проповедуя союз с Францией, он стал в своем отечестве надежной опорой и средоточием всех свободных умов», — эта характеристика, данная русским либеральным историком прошлого века А. Трачевским, многое объясняет в поведении Аранды, сыгравшего заметную роль в становлении испано-американских отношений. — А. Трачевский. Испания девятнадцатого века. М., 1872, стр. 11—12.

⁸ J. Navarro Latorre, F. Solano Costa. ¿Conspiración Española? Zaragoza, 1949, p. 5.

висимости Соединенных Штатов как две стороны одной проблемы. Что касается вступления в войну в союзе с Францией против Англии, то в 1776 г. Испания неоднократно выражала желание обсудить этот вопрос. Маркиз Гримальди полагал, что сложившиеся условия были весьма благоприятны для приумножения мощи Испании за счет Англии. Испания надеялась вернуть Гибралтар, изгнать англичан из Мексиканского залива, завоевать Португалию, эту традиционную союзницу Англии. Признание же независимости Соединенных Штатов мадридский двор рассматривал как меру, адекватную поощрению восстания и могущую стать опасным прецедентом для монархии, имевшей собственные колонии в Америке. Поэтому Кастильский государственный совет после получения акта о Декларации независимости Соединенных Штатов Америки⁹ в том же 1776 г. решительно выступил против признания независимости США¹⁰.

В войну с Англией Испания в 1776 г. не вступила. Американский историк С. Бемис основное препятствие вступлению Испании в войну в то время видел в позиции министра иностранных дел Франции графа Верженна, не желавшего приобретения Испанией Португалии и заокеанских португальских владений, так как это привело бы к усилению Испании и подняло ее престиж в большей степени, нежели Франции¹¹.

Не вступив открыто в войну и с «отвращением отшатываясь» от официального признания независимости Соединенных Штатов, в Мадриде тем не менее считали, что для интересов Испании было бы крайне желательно предельно затягивать англо-американскую войну, даже если бы она привела к ослаблению только Великобритании, не говоря уже о мятежных колониях. Гримальди полагал, что в этих целях Соединенным Штатам следует оказывать финансовую помощь. В том же году Бомарше, финансовый агент французского двора, получил от королей Испании и Франции тайную субсидию в сумме 2 млн. ливров для передачи конгрессу США¹².

В Мадриде нередко прибегали и к иным формам поощрения североамериканцев в надежде обеспечить их лояльное отношение к испанским заокеанским владениям. Так, в конце 1776 г. состоялась весьма примечательная беседа английского посла Грэхамом с Гримальди. Речь шла о судьбе американского капера, задержанного в Бильбао и вскоре же отпущенного. Как сообщал Зиновьев, «между прочими представлениями милорда Грантама (Грэхамом.— С. П.) были те, чтобы Гипшпаниа приняла в уважение собственные интересы своей коммерции, запретила впускать в порты корсаров колоний американских; но все резоны, предлагаемые от посла, здесь не принимаются и не видно от здешнего двора ни малого расположения, чтобы запретить в портах давать прибежище корсарам американским, поставляя себе в оправдание, что не должно Гипшпании раздражать американцев, которые уже довольно имеют сил, чтобы иметь к ним некоторое уважение для собственных своих селений в соседстве с ними»¹³.

В 1777 г. внешняя политика Испании претерпевает известные изменения. Бемис связывает их как с урегулированием в декабре 1777 г. испано-португальского конфликта, так и с приходом к руководству испанской внешней политикой графа Флоридабланки, исполненного решимости противодействовать попыткам Верженна отвести Испании роль орудия французской дипломатии¹⁴. В этой связи заслуживают самого пристального внимания докладные записки испанских министров маркиза Гонсалеса де

⁹ Литография этого акта хранится в Испанском национальном архиве как документ № 1 за 1776 г.— «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 12.

¹⁰ J. F. Yela Utrilla. Op. cit., t. I, p. 143—150.

¹¹ S. Bemis. Pinckney's Treaty. Baltimore, 1926, p. 13.

¹² «The Spirit of Seventy-Six». Ed. by H. Commager and R. Morris. New York — London, 1967, p. 674.

¹³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 362, л. 146—147.

¹⁴ S. Bemis. Pinckney's Treaty, p. 14.

Кастельон, Мигеля де Мускиса, графа де Рикиа, Хосе де Гальвеса и особенно Гримальди, составленные в начале февраля 1777 г., накануне отставки последнего. Эти записки содержат размышления о том, следует ли вступить в союз с американским конгрессом и объявить затем войну Великобритании¹⁵.

Именно по этому вопросу Гримальди и высказал точку зрения, получившую впоследствии широкую известность: «Победа колонистов — дело далеко не ясное... Во всяком случае, права великого монарха на свою территорию должны считаться священными и неприкосновенными, и пример восстания слишком опасен, чтобы его величество стало оказывать ему открытую поддержку»¹⁶. Эти слова свидетельствуют о том, что Гримальди к началу 1777 г. решительно отбросил имевшиеся у него колебания в отношении возможности признания независимости США и принял точку зрения, высказанную несколькими месяцами ранее Кастильским советом и отражавшую, по-видимому, господствующее в правящих кругах мнение. Однако его прежняя нечеткая позиция, а также репутация яркого франкофила сделали невозможным его дальнейшее пребывание на посту министра иностранных дел, ибо оно служило препятствием для более жесткого курса в отношении североамериканцев и более независимой позиции в отношении Франции, к чему склонялось к тому времени большинство министров Карла III. Сам Гримальди не мог не чувствовать растущего недоброжелательства и решил предупредить события. 5 ноября 1776 г., как явствует из донесения Зиновьева в Петербург, «неотступная Марии Гримальдия просьба... принудила короля с наиполнейшим сожалением уволить его из службы и ото всех дел. О перемене сей еще в публике не объявлено, и на место Марии Гримальдия не токмо никто не назначен, но наверно думают еще никто не положен. Нерешимость сия долго продлиться не может по причине настоящих и неожиданных нынешних дел... И при том кажется можно ручаться, что ни одного назначат как Гишпанца»¹⁷. Последнее замечание русского посла заставляет усомниться в том, что инициатива отставки исходила от самого Гримальди: откровенно франкофильские настроения этого уроженца Италии, по-видимому, перестали устраивать двор.

На место Гримальди был назначен испанский посланник в Риме Хосе Моньино, граф Флоридабланка. Он пробыл на посту главы кабинета с февраля 1777 г. до февраля 1792 г. Государственному деятелю, оказывавшему заметное влияние на политику страны на протяжении 15 лет, в исторической литературе уделено немало строк¹⁸. Однако один из самых примечательных портретов графа создал его современник, посол России в Испании С. С. Зиновьев, имевший возможность наблюдать его все 15 лет. В шифрованном отчете Екатерине II от 6(17) июня 1786 г. Зиновьев писал о Флоридабланке: «Король уже в последнюю войну заметил, как он необыкновенно прилежен и не любит полагаться на других даже в мелочах, и тогда же составил высокое мнение о нем. С тех пор уже не было пределов его доверию к графу, который вскоре завладел всем... Дворянство и военные ненавидят его, да и он сам мало скрывает свое отвращение и презрение к ним... Постоянные недуги, и в особенности нервное расстройство, должны сильно влиять на расположение его духа. Он вечно замкнут в самом себе. Никто не может похвастаться, что пользуется у него малейшим уважением. Конечно, при огромном количестве дел, известных ему одному, он не успевает решать все; но он никогда не передает никому малейшего дела и старается тщательно избегать всяких напоминаний о нерешенных делах.

¹⁵ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 17.

¹⁶ Цит. по: Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М., 1962, стр. 238—239; см. также «The Spirit of Seventy-Six», p. 990.

¹⁷ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 362, л. 150—151.

¹⁸ Широкой известностью в Испании пользуется биографический очерк А. Феррера дель Риос — вступительная статья к «Obras originales del Conde de Floridablanca». Madrid, 1877.

Любимые занятия графа — улучшение больших дорог, проведение каналов и вообще работа на пользу внутреннего благоустройства королевства: тут он ничего не жалеет. Политика и особенно ее частности никогда не привлекали его. Он до того мало занят ими, что часто даже пренебрегает общепринятыми приличиями и вежливостью относительно многих дворов, особенно же тех, которые он считает ниже Мадридского. Это не совсем осторожное поведение и крайне затруднительный доступ к нему поселяют недовольство против него во всем дипломатическом корпусе... Кто наиболее преследует его по делам, именно того он наименее любит: таких господ он избегает с невообразимой заботливостью». Флоридабланка никогда не мог устоять против льстивой фразы, которую Зиновьев нередко пускал в ход: «Уж Вас не назовут первым слугой французского двора!» (так называли предшественника графа маркиза Гримальди). С недоверием относился Флоридабланка не только к Франции, но и к Англии: «Он, — отмечал Зиновьев, — горько жаловался (Зиновьеву. — С. П.) на их лживость (*mauvaise foi*): нет-де никакой возможности вести дела с господами, которые никогда не выясняют своих идей и у которых манера употреблять двусмысленные слова. Он даже воскликнул, что его терпение лопается, что он не создан быть министром иностранных дел»¹⁹.

Судя по всему, Флоридабланка в большей степени, нежели Гримальди, отдавал себе отчет во всей опасности прецедента восставших колоний для судьбы собственных владений Испании. Он не внял настойчивым советам Аранды признать независимость Соединенных Штатов. С первых же дней пребывания Флоридабланки на посту министра иностранных дел любые меры, принимаемые официальными представителями конгресса США, находившимися во Франции, направленные на сближение с Испанией, встречали его твердое и решительное противодействие.

1 января 1777 г. конгресс назначил Бенжамина Франклина своим представителем в Испании, «поручив ему заключение договора о дружбе и предоставив ведение переговоров его благоразумию»²⁰. В данном случае конгресс попытался на практике осуществить настойчивые рекомендации Джона Адамса: последний «предложил конгрессу пренебречь традицией назначать послов только в те страны, с которыми уже установлены дипломатические отношения, и притом только тех послов, на аккредитование которых имеется агреман, т. е. предварительное согласие правительства страны, куда посол назначается. Адамс настойчиво советовал, — отмечал советский историк А. В. Ефимов, — направить послов во все страны, с которыми Соединенные Штаты желают иметь отношения, не испрашивая согласия правительств этих стран»²¹.

Однако Мадрид, как видно из последующих событий, не согласился с новым методом молодой американской дипломатии. Посол Испании в Париже граф Аранда в письмах от 31 января и 3 февраля 1777 г. уведомлял Гримальди о намерении представителей американского конгресса в Париже Бенжамина Франклина, Сайласа Дина и Артура Ли направить последнего в Мадрид. Гримальди в последние дни и часы своего пребывания на посту 17 февраля того же года сообщил Аранде, что известие о поездке Ли в Испанию вызвало недовольство короля, опасавшегося возможности отрицательной реакции английского посла²². Но предотвратить поездку американского эmissара в Испанию было невозможно: к этому моменту Ли, имея при себе рекомендательные письма испанского посла, уже пересек границу Испании. Флоридабланка принял решение задержать Ли в пути и не допустить его прибытия в Мадрид. Зиновьев в зашифрованном донесении Н. И. Па-

¹⁹ Цит. по книге А. Трачевского, впервые использовавшего этот документ. — А. Трачевский. Указ. соч., стр. 16—17. Екатерина II высоко оценила этот отчет, выразив свое «высочайшее удовлетворение». — Там же, стр. 17.

²⁰ J. F. Yela Utrilla. Op. cit., t. I, p. 161—165.

²¹ «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 392.

²² «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 13.

нину от 27 марта (7 апреля) 1777 г. сообщает об обещании испанского двора, данном английскому послу, не принимать Ли в качестве официального дипломатического агента американского правительства²³.

Флоридабланка поручает Гримальди встретить Ли и убедить его вернуться в Париж, дав обещание оказать финансовую помощь восставшим колониям. Пока Гримальди находился в пути, первым Ли встретил Диего Мария де Гардоки, баск, уроженец Герники, которому министр иностранных дел доверял полностью. Гардоки присутствовал и на переговорах Гримальди с Ли в Бургосе. Гримальди удалось уговорить Ли прервать путешествие и вернуться в Париж: в письме к Флоридабланке от 5 марта он сообщает об успешном ходе переговоров «с этим человеком, которого Аранда нам здесь навязал и который нас столь стеснил»²⁴. 14 марта Гримальди известил Флоридабланку, что Ли возвращается во Францию. Вслед за тем 17 апреля того же года Флоридабланка отдал распоряжение министру финансов Мигелю Мускису и государственному казначею Педро Мануэлю Ортису де ла Рива передать североамериканцам 70 тыс. песет. Доверенным лицом, при посредничестве которого были вручены деньги, был Гардоки²⁵.

Франклин не был удовлетворен исходом миссии Ли и намеревался сам направиться в Мадрид. Однако дальнейшие размышления над «опытом» Ли и совет Аранды убедили Франклина не покидать Париж, поскольку было очевидно, что он не будет принят испанским двором.

Флоридабланка всеми силами пытался избежать войны с Англией. Это не могло укрыться от весьма наблюдательного и по-видимому хорошо информированного Зиновьева. В донесении Панину от 15(26) февраля 1778 г. русский дипломат писал: «По распоряжению здешнего министерства... судить можно, что сколь дела политически ни наверны, однако же Гишпания не примет в оном (конфликте. — С. П.) участие, как по самой необходимости»²⁶. Флоридабланка полагал, что Испания сможет лучше соблюсти свои интересы, взяв на себя миссию посредника между Великобританией и ее восставшими колониями. С этой целью можно было признать независимость Соединенных Штатов «де-факто» (но ни в коем случае не «де-юре») в течение длительного периода перемирия, во время которого бывшие колонии будут находиться под покровительством Испании и Франции. И лишь в том случае, если правительство Великобритании отвергнет посредничество, Испания и Франция должны готовиться к войне. А поскольку для Испании, имея в виду ее собственные колонии, борьба с морской мощью Англии была более рискованной, чем для Франции, Флоридабланка полагал, что подобный риск должен быть соответствующим образом компенсирован. Компенсация должна состоять из принадлежащих Британии островов в Америке, восстановления прав Испании на Гибралтар, Минорку и Флориду и очищения от британского владычества Гондураса и Москитного Берега²⁷. Флоридабланка полагал, что если Испании не удастся избежать вступления в войну, то пусть это произойдет как можно позже, когда Великобритания и ее мятежные колонии в достаточной степени успеют истощить друг друга. В то же время поток субсидий и военных поставок, направляемых американцам, не должен был, по мнению Флоридабланки, ослабевать, но при непременном условии сохранения глубокой тайны. С 25 мая 1777 г. по 11 ноября 1778 г. через Гардоки было передано американцам 153 тыс. песет²⁸.

Испанское правительство весьма благосклонно, по-видимому, относилось к частной инициативе, проявляемой купцами и банкирами Испании: в шифрованном донесении от 23 октября 1777 г. русский посол доводил до сведения Панина, что «один из самых богатых торговых домов Бильбао

²³ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 368, л. 78—80.

²⁴ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 13.

²⁵ Ibid., p. 24.

²⁶ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 380, л. 27.

²⁷ J. F. Yela Utrilla. Op. cit., t. I, p. 182—192.

²⁸ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 24.

является представителем интересов колоний в Испании и в качестве такового пытается устроить заем для американского конгресса. Крупные капиталисты Мадрида (термин Зиновьева. — *С. П.*), по сведениям русского посланника, уже дали этому дому согласие предоставить конгрессу заем в 100 тыс. ливров»²⁹. Из донесений Зиновьева следует, что, вопреки обычной своей торговой политике, испанское правительство закрывало глаза на расширение торговли с восставшими английскими колониями: «Непозволительная коммерция с Северной Америкой открывает час от часу новые ветви коммерции. Зачинают возить соль гишпанскую из Андалузии и выигрывают на сто по сто пятидесяти и до двухсот. Хотя она коммерция временная и припадочная, но тем не менее зачинает обогащать многие торговые дома в Гишпании и особливо в Бильбао»³⁰.

В то же время испанское правительство самым энергичным образом старалось избежать вступления в войну против Англии. Флоридабланка в беседах с Зиновьевым в течение всего 1778 г. уверял его в «мирных устремлениях Испании»³¹, что соответствовало истинному положению дел.

Оказывая финансовую поддержку североамериканцам, испанские власти не скупились на благожелательные жесты в сторону Англии. Как стало известно Зиновьеву, в начале апреля 1778 г. «прибыл в Кадис славный американский корсар Кенингам и на пути своем из Бильбао взял 7 английских купеческих кораблей, идущих из Гибралтара под конвоем одного военного фрегата, но по несчастью у фрегата переломилась мачта, и поиному гнаться за корсаром было невозможно. Суда сии распроданы в разных портах французских и гишпанских. По просьбе посла английского послано в Кадис повеление корсара того Кенингама тотчас выслать из порта»³². 12 (23 апреля) Зиновьев добавляет: «Корсар Кенингам не только выслан из Кадиса, как я уже имел честь донести Вашему сиятельству, но при этом объявлено ему от губернатора, чтобы отнюдь впредь не осмеливался входить ни в какой порт гишпанский»³³. Подобные меры не распространялись на купеческие американские корабли — в тот же день, когда Кенингам получил столь суровое повеление, в кадисском порту находилось «до десяти американских кораблей»³⁴.

Даже после получения от Аранды известия «о подаче французским послом в Лондоне ноты английскому правительству с сообщением о торговом контракте, заключенном Францией с английскими колониями в Америке»³⁵, испанское правительство не теряло надежды остаться нейтральным и склонить к миру не только Лондон, но и Париж. Сообщая Панину об инструкциях, данных дону Альмодовару, испанскому послу в Лондоне, Зиновьев 4 (15) июня 1778 г. писал: «Известно, что очень оныя (повеления. — *С. П.*) с миролюбивыми здешнего двора повелениями сходны. Сверху того еще думают, что приказано ему, ежели граф Верженн захочет ему делать некоторую откровенность, касающуюся до примирения, чтобы согласиться тотчас на оном»³⁶.

Флоридабланка в то время не мог знать, что во франко-американском соглашении от 6 февраля 1778 г. имелась специальная секретная статья, предусматривавшая в будущем присоединение Испании к этому союзу³⁷. Однако очень скоро Верженн усилил давление на Мадрид в соответствии со взятыми на себя обязательствами. Франция нуждалась в испанских кораблях, надеясь создать объединенный флот, не менее внушительный, чем британский. Приманкой был Гибралтар. В начале ноября Зиновьев сооб-

²⁹ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 368, л. 153—154.

³⁰ Там же, д. 380, л. 27.

³¹ Там же, л. 34.

³² Там же, л. 48—49.

³³ Там же, л. 62.

³⁴ Там же, л. 49.

³⁵ Там же, л. 39.

³⁶ Там же, л. 86.

³⁷ J. F. Yela Utrilla. Op. cit., t. I, p. 242—245.

шил в Петербург, что Франция, побуждая Испанию к вступлению в войну, предложила проект атаки Гибралтара с суши и с моря³⁸. Несмотря на притягательность самой идеи возвращения «скалы», утрата которой в 1704 г. стала для испанцев своего рода символом унижения, первоначально этот проект, по сведениям Зиновьева, был отклонен³⁹. Но к началу 1779 г. сопротивление Флоридабланки было сломлено. Он не устоял перед аргументами Верженна, убеждавшего его, что Испании совершенно необходимо в союзе с Францией принять участие в превентивной войне против Великобритании из-за опасности для испанских и французских владений в Америке, на которые обратятся британские военные силы после англо-американского примирения.

12 апреля 1779 г. в Аранхуэсе между Испанией и Францией было заключено секретное соглашение, в котором оба члена семейного пакта приняли решение быть вместе в войне и мире против Британии. Соглашение содержало обязательство восстановить права Испании на Гибралтар и, если будет возможно, удовлетворить притязания Испании на Минорку, Флориду и Ямайку⁴⁰. От всякого признания независимости Соединенных Штатов Америки Испания опять воздержалась. Здесь Мадрид не знал колебаний. Вскоре после подписания аранхуэсского соглашения американцы сделали новую попытку послать в Испанию своих представителей. Но, как сообщал Зиновьев, «двор все еще упорствует в своем отказе принять их и вести с ними переговоры»⁴¹. И это в то время, когда до вступления Испании в войну остались считанные недели! Даже после вступления Испании в войну (июль 1779 г.) Флоридабланка с неослабевавшим рвением продолжал бдительно следить, чтобы не было сделано ни одного шага, который можно было бы расценить как признание независимости Соединенных Штатов. В начале августа 1779 г. было предано гласности так называемое Примечание к манифесту французского двора, в котором испанское правительство сочло нужным разъяснить мотивы и цели, преследуемые им в войне. Флоридабланка, который, по свидетельству Зиновьева, был автором этого обширного документа⁴², и здесь остался верен своей изначальной мысли и не считал нужным даже упомянуть о Соединенных Штатах и их войне за независимость.

Этот «пробел» характерен и для других официальных испанских документов того времени. Так, в апреле 1780 г. в Петербург был направлен от имени Карла III ответ на «Декларацию» Екатерины II о твердом намерении России сохранять строгий нейтралитет в войне Испании с Англией. Разъясняя мотивы, почему Испания оказалась вынужденной объявить войну Англии, Флоридабланка, истинный автор документа, подробно перечисляет все обиды, понесенные от Англии, однако никак не определяет своего отношения к происходящим в Северной Америке событиям⁴³.

В течение всей войны испанское правительство неизменно проявляло крайнюю сдержанность и настороженность, как только речь заходила о признании независимости Соединенных Штатов. Весьма показательна в этой связи история миссии Джона Джей.

Джон Джей был назначен конгрессом полномочным министром в Испании 27 сентября 1779 г. Экс-президент Континентального конгресса, автор конституции штата Нью-Йорк и главный судья этого штата, полковник ополчения, полуголландец, полуфранцуз, выходец из старинной нью-йоркской семьи, Джей пользовался большим влиянием в своей стране, и само его назначение посланником в Мадрид свидетельствовало о том, какое значение придавали Испании деятели конгресса. Ему было поручено до-

³⁸ АВПР, ф. Сношения с Испанией, оп. 58, д. 380, л. 259.

³⁹ Там же, л. 276.

⁴⁰ J. F. Yela Utrilla. Op. cit., t. I, p. 368—371.

⁴¹ АВПР, ф. Сношения России и Испании, оп. 58, д. 381, л. 28.

⁴² Там же, л. 111—127.

⁴³ Там же, д. 389, л. 26—28.

бываться признания Испанией независимости Соединенных Штатов, заключения договора о союзе, дружбе и торговле, эффективного военного союза, получения займа в 5 млн. долл.⁴⁴

Джей прибыл в Кадис 27 января 1780 г. в сопровождении Уильяма Кармайхила, делегата конгресса от штата Мэриленд. В тот же день Джей направил ноту министру по делам Индий Хосе де Гальвесу, в которой ставил в известность о своем прибытии в Испанию «в качестве полномочного министра конгресса Соединенных Штатов в целях установления совершеннейшей дружбы и гармонии с Испанией и присоединения последней к договорам с Францией»⁴⁵. Лишь 24 февраля Флоридабланка ответил на ноту Джея; ссылаясь на короля, он дал согласие на прибытие Джея в Мадрид, но только не в качестве полномочного министра. Флоридабланка отказался принять оригиналы верительных грамот Джея, согласившись принять лишь копии. 6 марта Джей направил ноту, в которой выразил свой протест, однако она не произвела желаемого действия. Не помогли и непомерные восхваления короля и всей испанской нации, содержащиеся в той же ноте⁴⁶. Столь же безрезультатными остались просьбы французского посла.

Джей появился в Мадриде только в начале апреля. Ноты Джея Флоридабланке, его письма президенту конгресса Самуэлю Хантингтону полны горечи и разочарования. Пытаясь объяснить неудачу своей миссии, Джей писал президенту конгресса 26 мая 1780 г.: «Народ в этой стране ничего не знает о нас. До него едва ли доходят какие-либо американские публикации и вряд ли он информирован о великих событиях в нашей стране. За исключением высших служащих государства, едва ли кто-либо слышал о сражении при Стони Пойнт, Паоли Хук и т. д. и вряд ли кто верит в нашу терпимость в отношении римской католической религии... Король и министры приняли нас тепло, однако у меня есть основания полагать, что большинство нации холодно относится к нам»⁴⁷.

Джей был прав. Однако причину такого отношения населения следовало искать отнюдь не в плохой осведомленности испанцев относительно положения дел в Северной Америке: испанские газеты того времени, и прежде всего «La Gazette de Madrid»⁴⁸, достаточно подробно освещали ход военных действий на суше и на море. Но общественное мнение Испании воспринимало все происходившее в Северной Америке лишь как события на театре военных действий, а к войне, и особенно к участию в ней Испании, сложилось стойкое отрицательное отношение. Неудачи Испании в морских сражениях с Англией, не дававшая результатов, но отлекавшая значительные средства блокада Гибралтара подогревали возмущение населения войной, в результате которой ухудшалось финансовое положение в стране, свертывалась программа экономических реформ и прежде всего работы по внутреннему благоустройству (проведение дорог, каналов и т. д.), кормившие тысячи людей. К исходу лета 1780 г. цены на продукты питания возросли не менее, чем на 20%. Пытаясь выйти из финансовых затруднений, правительство увеличило налоги, в том числе и в своих заокеанских владениях, выпустило внутренний заем и прибегло к такой крайней мере, как конфискация монастырских вкладов, что не могло не вызвать острого недовольства духовенства. Во всем винили войну, двор и дурное управление министров. «Между тем не перестает [публика] критиковать и предсуждать министерские операции», — доносил в Петербург Зиновьев, прилагая к своему письму перевод статьи из «La Gazette de Madrid», где речь шла о неудачной морской войне⁴⁹.

⁴⁴ «Journals of the Continental Congress», XV, 118, September, 27, 1779.

⁴⁵ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 30.

⁴⁶ Ibid., p. 30—31.

⁴⁷ J. J. а у. The Correspondence and Public Papers of John Jay. Ed. by Henry P. Johnson, vol. I. New York, 1894, p. 394.

⁴⁸ О содержании газет Испании того времени можно судить, в частности, по переводам статей, которые Зиновьев считал нужным направлять в Петербург.

⁴⁹ АВВР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 388, л. 33—34.

В октябре 1780 г. в Мадрид пришло известие о восстании в Перу. Зиновьев в своем донесении высказал предположение, что причиной восстания было возмущение населения этой испанской колонии новыми налогами⁵⁰. В Мадриде высказывались предположения, что восстание не обошлось без вмешательства Англии. Все это укрепляло Флоридабланку в его стремлении вывести Испанию из состояния войны, но так, чтобы страна не претерпела какого-либо ущерба. Зиновьев писал в Петербург 27 декабря 1780 г.: «На имеющейся со мной конференции... граф Флоридабланка старался изъяснить мне придуманные им способы в начатии работы о примирении». Флоридабланка обратил внимание русского посла на то, что «Англия имеет прямое доказательство о честном характере и поступках короля Гишпанского; что сколь Франция и не старалась привести двора здешнего признать независимость колоний, но сказав Гишпанию однажды, что не признает, и по сие время не признала»⁵¹.

Таковы были условия, в которых приходилось действовать Джею. Его энергичные усилия принесли некоторый, правда незначительный, успех. В результате переговоров в августе — сентябре 1780 г. с Гардоки, финансовым посредником между испанским двором и Соединенными Штатами, и с дель Кампо, конфиденциальным секретарем графа Флоридабланки, Джею удалось добиться согласия на получение денежных субсидий, хотя и значительно меньшего размера, чем просил конгресс⁵². С декабря 1780 г. по февраль 1782 г. Испания безвозмездно предоставила Соединенным Штатам, согласно документам Национального архива Испании, 183 тыс. пестет⁵³.

Но все усилия Джея добиться признания независимости США не увенчались успехом. Во время переговоров испанская сторона поставила перед американцами вопрос об установлении такого режима навигации на Миссисипи, который означал бы полный контроль Испании в этом районе. Взамен Испания обещала увеличить помощь⁵⁴. Франклин, извещенный Джеем об этом проекте, отверг предложение испанцев. В письме Джею от 2 октября 1780 г. он писал: «Хоть мы и бедны, я, убежденный, что со временем мы станем богаты, скорее соглашусь купить у них по дорогой цене все их права на Миссисипи, нежели продать единую каплю ее вод. С таким же успехом сосед может просить у меня продать парадную дверь моего дома»⁵⁵.

Джей все же выразил готовность рассмотреть вопрос о Миссисипи и кое в чем пойти навстречу Испании, но при условии, что установление особого режима навигации на Миссисипи будет частью общего договора, который явится признанием американской независимости. Об этом свидетельствует проект договора, представленный Джеем 22 сентября 1781 г., и в частности его шестой пункт: «Соединенные Штаты Америки откажутся в пользу е.католич.в-ва и впредь воздержатся от пользования или попыток пользования навигацией по реке Миссисипи от 31° северной широты, т. е. пункта, на котором заканчивается территория Соединенных Штатов, до океана». В обмен Испания должна была согласиться на заключение «нерушимого мира и дружбы между е.католич. в-вом и Соединенными Штатами» (пункт первый), на взаимную гарантию владений в Северной Америке (седьмой и

⁵⁰ Там же, л. 275. Впервые этот документ использован В. М. Мирошевским. — В. М. М и р о ш е в с к и й. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М. — Л., 1946, стр. 70. О восстании в Перу см. М. С. А л ь п е р о в и ч, Л. Ю. С л е з к и н. История стран Латинской Америки. М., 1970; С. А. С о з и н а. Великий индейский повстанец Туапак-Амару. — «Новая и новейшая история», 1973, № 3, 4.

⁵¹ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 388, л. 318—320.

⁵² J. J a y. Op. cit., vol. I, p. 394.

⁵³ «Relaciones diplomáticas entre España y los Estados Unidos», t. I, p. 24.

⁵⁴ J. J a y. Op. cit., p. 394.

⁵⁵ Цит. по: Г. А п т е к е р. Указ. соч., стр. 254.

восьмой пункт) ⁵⁶. Проект этого договора не был принят испанским правительством.

Получить заем в 5 млн. долл. Джею также не удалось, так как испанское правительство само изыскивало средства для разрешения собственных финансовых трудностей. В письме в Париж 17 мая 1782 г. Флоридабланка поставил в известность испанского посла о намерении Джея выехать в Париж для переговоров с Арандой, Франклином и возможно еще кое с кем ⁵⁷. В Испанию Джей больше не вернулся, так как активно включился в подготовительную работу по мирному урегулированию. Для Флоридабланки отъезд Джея был большим облегчением. Пересылая Аранде 20 сентября 1782 г. ноту Джея, в которой шла речь об отказе от прав на навигацию по Миссисипи (от 31° северной широты), в сопроводительной записке министр писал, что у Джея «было два аргумента: «Испания, признай нашу независимость. Испания, дай денег» ⁵⁸. Настойчивость Джея была тем более неприятна для Флоридабланки, что, по его мнению, и без того «Испания, не взяв на себя обязательств, делала для Соединенных Штатов столько же или больше, чем Франция, связанная с ними договорами» ⁵⁹.

Вплоть до окончания войны существенных изменений в испано-американских отношениях не произошло. Известие о подписании предварительного мирного договора в Париже английскими и американскими уполномоченными, среди которых был и Джон Джей, не было большой неожиданностью для Флоридабланки (текст предварительного договора был переслан Арандой 8 декабря 1782 г.).

В Мадриде полагали, что пришел час и для Испании выйти из войны. Действия испанских сухопутных войск в Северной Америке, которыми командовал Бернардо де Гальвес, были успешными. В течение лета 1780 — весны 1781 г. пали Манчака, Батон Руж, Ла Мовила. 8 мая 1781 г. сдалась Пенсакола, в плен был взят весь английский гарнизон вместе с генерал-майором Д. Кембелом и вице-адмиралом П. Честером. В результате Западная Флорида попала в руки испанцев ⁶⁰. В Мадриде крепко желание как можно скорее закрепить военные успехи соответствующими статьями мирного договора. Действия флота в течение всей войны были мало эффективными, а полученное в октябре 1782 г. известие о прорыве многомесячной испанской блокады Гибралтара побудило присоединиться к числу жаждущих мира и тех, кто еще надеялся на отвоевание Испании этой крепости. К тому же пункт восьмой предварительного англо-американского договора, устанавливавшего для подданных английского короля и граждан США свободную навигацию по Миссисипи от ее истоков до океана, вызвал недовольство в испанских правящих кругах: оставалось лишь уповать на то, что в окончательный текст договора будут внесены желательные для Испании коррективы. А для этого необходимо было как можно скорее подключиться к работе по мирному урегулированию.

В начале февраля 1783 г. в Париж для переговоров с американскими уполномоченными был командирован старший чиновник министерства иностранных дел Испании дель Кампо, пользовавшийся большим доверием Флоридабланки. В тот самый день, когда был подписан Версальский мирный договор, 3 сентября 1783 г., испанскими и английскими уполномочен-

⁵⁶ «Relaciones diplomaticas entre España y los Estados Unidos», t. I, Apendices, p. 361—362.

⁵⁷ Ibid., p. 37.

⁵⁸ Ibid., p. 37—38.

⁵⁹ Ibid., p. 37.

⁶⁰ Не только в Испании, но и в США до сих пор придают большое значение полководческой деятельности Бернардо де Гальвеса. В связи с предстоящим 200-летием войны за независимость США города Пенсакола и Галвестон обратились с просьбой к испанскому правительству предоставить им копии статуи этого «героя кампании на берегах Залива в революционной войне», которые они предполагают поставить в своих городах. — «Final Report of the American Revolution Bicentennial Commission», vol. II, 1973, p. 39.

НА БАНКЕТЕ У ЛОРД-МЭРА ЛОНДОНА

На другой день после вручения английскому королю верительных грамот 9 ноября 1932 г. я попал на торжественную церемонию смены лондонского лорд-мера, происходящую каждый год. Она начиналась на улицах столицы и кончалась в старинном «Здании гильдий», где собирается 500—600 мужчин и дам, представляющих верхушку английского господствующего класса. Здесь присутствуют члены британского правительства, послы великих держав, крупнейшие банкиры, колониальные богатейшие раджи и магнаты могущественнейших международных компаний, крупные предприниматели, владельцы судоходных и страховых компаний — словом, все те, кто держит в руках власть и распоряжается сотнями миллионов фунтов стерлингов.

Когда наступает положенный час, все гости входят в длинную узкую библиотеку «Здания гильдий» и по широкому ковру проходят до конца зала, где стоит новый лорд-мер с женой, пожимают им руки и затем садятся на заранее отведенные им места. При входе на ковер стоит герольд в пестром костюме времен Тюдоров и громоглаво оглашает имя и звание нового гостя. Его встречают аплодисментами ранее пришедшие гости. И пока он идет по ковру, непрерывно гремят аплодисменты. Чем громче и длительнее аплодисменты, тем больше для гостя чести и славы.

Вот на такой прием лорд-мера попал и я. Совершенно случайно вышло так, что по пышному ковру в библиотеке «Здания гильдий» мне пришлось идти непосредственно по стопам японского посла в Лондоне Мацудайра. После провозглашения герольдом имени посла раздались бурные рукоплескания со стороны собравшейся английской знати. Видно было — японский посол здесь популярен, несмотря на совсем недавний захват Японией Маньчжурии, что было совершенно вопиющим актом агрессии! Затем герольд громко провозгласил: «Его превосходительство, советский посол Иван Майский!»

Точно неожиданный порыв жестокого ледяного ветра пронесся по залу библиотеки. В мгновение ока все смолкло. Сотни разгневанных мужчин в орденах и лентах приковали взоры к моей фигуре. Бесчисленные дамы в шикарных костюмах с драгоценностями шинели и презрительно кивали в мою сторону лорнетками. Все было ясно: Класс против класса! Остро! Грубо! Неумолимо! Я шел по пышному ковру и думал: «О, если бы вы, люди золотого фунта, имели возможность прогнать меня из этого светлого зала в сырую тьму ноябрьской ночи, с каким наслаждением вы это сделали бы, но вы не смеете сделать! Ибо я сижу здесь и буду сидеть здесь волей пролетарской революции! Класс против класса!..» В атмосфере этого кричащего безмолвия я медленно твердо прошел всю дорожку от герольда до лорд-мера, вежливо поздоровался с ним и его супругой и спокойно сел на отведенное мне место.

Оглядывая соседей по столу, я обратил внимание на красивую пышную блондинку шагах в тридцати от меня. Рядом с ней сидел типичный английский аристократ — высокий, стройный, хладнокровный, видимо ее муж; они спокойно о чем-то беседовали между собой. К блондинке подошла какая-то дама и, взглянув на меня, шепнула ей несколько слов. Потом она отошла и исчезла, а с пышной блондинкой произошла неожиданная перемена: она вдруг покраснела и в ажитации стала говорить что-то своему мужу. Он всячески успокаивал свою супругу, но она продолжала сильно волноваться, не сводя с меня пристально-враждебного взгляда. Я не мог понять, в чем дело. Муж блондинки, презрительно махнув в мою сторону, стал в чем-то убеждать свою супругу, но она не сдавалась; постепенно я стал догадываться, что случилось. Очевидно, пышная блондинка была русская белогвардейка, вышедшая замуж за английского аристократа и потому попавшая на банкет лондонского лорд-мера; но тут с ней сыграло скверную шутку ее прошлое: она не смогла вести себя в рамках принятого этикета.

Здесь, на банкете, я впервые увидел Уинстона Черчилля. Он сидел со стаканом виски в руках и оживленно болтал со своим соседом. Я тогда еще не был знаком с ним, но сразу узнал его по многим портретам, которые видел в Лондоне и раньше. Я внимательно посмотрел на него. Он, должно быть, знал, кто я, потому что повернулся и тоже пристально взглянул на меня. Я вспомнил напутствие Литвинова и подумал: «Изменится ли когда-нибудь политическая позиция Черчилля и в какой степени? Кто знает?..»

БОРЬБА ЗА ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Прошло два года. Следуя директивам своего правительства, советское посольство в Лондоне упорно билось над разрушением ледяной стены консерватизма вокруг него. Были тут успехи, были и неудачи. Но мы не падали духом и смотрели вперед. Основной линией нашей деятельности в эти два года была борьба за новое торговое соглашение вместо старого, заключенного нами с предыдущим лейбористским правительством Макдональда. Оно нас вполне удовлетворяло, но пришедшие на смену консерваторы денонсировали его. Новый министр иностранных дел сэр Джон Саймон предложил Советскому правительству в 6-месячный срок подписать новое торговое соглашение (уже иного характера), приемлемое для тори, но неприемлемое для нас. Борьба за новое торговое соглашение затянулась на 19 месяцев и приняла очень острый характер. Не касаясь деталей, считаю необходимым сказать, что кровожадные политические расчеты, с которыми начата была эта антисоветская кампания Саймона и К°, позорно провалились¹.

За те же два года ледяной вал консерватизма вокруг советского посольства в Лондоне стал до известной степени таять, и это было результатом двух причин: с одной стороны, благодаря упорной и неустанной работе советских дипломатов в британской столице; с другой, — благодаря воздействию стихийных процессов мировой экономики и политики, особенно европейской экономики и политики. К тому же за два года, проведенные мной в Лондоне, произошло немало важных событий в области внешней политики, из которых самым крупным был захват гитлеровским фашизмом власти в Германии.

Одним из самых ценных успехов я считал установление «дипломатической дружбы» со столь важным деятелем, как тогдашний постоянный заместитель министра иностранных дел Британии сэр Роберт Ванситтарт.

Когда я приехал в Лондон в качестве советского посла, Форин оффис (министерство иностранных дел) был весьма сложной и даже в известной степени внутренне противоречивой организацией. Официальным главой его, как уже отмечалось, был Саймон, известный адвокат, лидер недавно возникшей национал-либеральной партии, отколовшейся от старой либеральной партии. Вопреки своему партийному наименованию Саймон был отъявленным реакционером и в области внешней политики симпатизировал Гитлеру. Парламентским помощником Саймона был молодой консерватор Антони Иден, выходец из среднепомещичьих кругов, человек, вопреки своему партийному имени тяготеющий, особенно в области внешней политики, к либеральным тенденциям. В Форин оффисе он занимался главным образом Лигой наций. Третьим и особенно важным звеном министерства иностранных дел был постоянный товарищ министра иностранных дел Ванситтарт. Он был, как положено для всех английских постоянных товарищей министра, формально беспартийным, а потому несменяемым в случае ухода в отставку того или иного парламентского правительства. Отсюда его сугубая устойчивость и особо высокая квалификация в дипломатических делах. Сэр Роберт в дополнение к своему значению в Форин оффисе, вытекающему из самой структуры английских министерств, обладал еще рядом личных качеств, повышавших его влияние. Он много лет работал в Форин оффисе как в Лондоне, так и в различных британских посольствах за границей, был культурным, широко образованным англичанином с сильным тяготением к Франции и явной германофобией, особенно после захвата власти фашизмом. Внутри Форин оффиса Саймон и Ванситтарт очень не ладили, и, когда приехал в Лондон я, Ванситтарт встретил меня если не дружески (такой стиль тогда был невозможен), то во всяком случае спокойно, деловито.

Авторитет Ванситтарта сильно возрастал благодаря его жене — очаровательной леди Сарите, которая соединяла женскую прелесть с острым мужским умом, в чем я скоро смог лично убедиться.

Когда в начале 1934 г. правительство СССР добилося, наконец, подписания выгодного для нас торгового соглашения, сэр Роберт и его супруга начали действовать.

¹ Подробности борьбы в 1932—1934 гг. по вопросу о торговом соглашении описаны мною в «Записках советского посла в Англии» (М., 1966).

21 июня 1934 г. супруги Ванситтарт пригласили меня с женой на завтрак. Присутствовало человек 10—12 дипломатов и политических гостей, в том числе Саймон. Но он сидел слева от хозяйки, т. е. по правилам английского этикета не был главным, а лишь вторым гостем. Первым же гостем, к моему крайнему удивлению, оказался я сам, сидевший по правую руку леди Сариты. Во время завтрака, когда столовая была заполнена гулом голосов, она завязала со мной разговор, результатом которого было обещание леди Сариты способствовать установлению более тесного контакта между мной и ее мужем.

Три дня спустя в моем кабинете зазвенел телефон и раздался голос Ванситтарта, приглашавший меня приехать для серьезных англо-советских переговоров. В течение дальнейших трех недель мои беседы с Ванситтартом несколько раз повторялись, и мы постепенно обсудили одну за другой все те трудности, которые тогда стояли между СССР и Англией. Мы не всегда могли найти для них удовлетворительное решение, но со стороны сэра Роберта ясно ощущалось доброе желание прийти к разумному соглашению. Нарком иностранных дел был очень доволен моими беседами с Ванситтартом и усматривал в них первый шаг к разрядке напряженности в советско-английских отношениях.

Примерно месяц спустя меня ждал другой, пожалуй, еще больший политический сюрприз: Ванситтарты пригласили меня с женой на частный обед. За обеденным столом оказалось только три пары: хозяева — сэр Роберт и леди Сарита, я с женой и... Уинстон Черчилль с женой. Сначала обед носил обычный для английских светско-политических обедов характер: говорили о текущих политических новостях, о театральных сенсациях, о планах на отпуск и т. д. Потом поднялась леди Сарита и увлекла с собой в гостиную жену Черчилля и мою жену. Трое мужчин остались в столовой за рюмками вина, и вот тут-то между нами началась настоящая беседа.

Первым начал Черчилль. Затянувшись сигарой, он сказал:

— Я приветствую случай откровенно поговорить с уважаемым послом Советского Союза. Я не думаю скрывать, что в прошлом занимал враждебную позицию к стране, которую он представляет. Но почему?.. Не потому, что я ненавижу Россию. Такой ненависти к России, к русскому народу у меня нет. А потому, что в 1919 г. Россия воплотила коммунизм, который в те дни представлял собой опасность для Британской империи. Для меня же Британская империя есть самое важное, что существует в мире. Вот почему в 1919 г. я был противником России и вел борьбу против вас. С тех пор многое изменилось... Сейчас опасной для Британской империи стала Германия с Гитлером во главе... Отсюда крутой поворот в моей позиции. Теперь я враг Германии и буду защищать Британскую империю от немцев. Но гитлеровская Германия угрожает не только нам, англичанам, она угрожает также вам, русским; почему бы нам не объединиться против общего врага? Почему бы нам не раздавить его общими усилиями? Мне кажется это логичным и политически правильным. Полагаю, ваши государственные люди должны были бы думать так же... Именно поэтому я воспользовался любезным приглашением сэра Роберта для того, чтобы сегодня встретиться и поговорить с Вами. Что Вы скажете в ответ?

Я должен был признать, что Черчилль говорит логично и что мотивировка изменения его общей позиции убедительна. Совершенно ясно было, что предо мной сидит крупный политический деятель, способный делать крутые исторические повороты. Это возбуждало определенное доверие к Черчиллю и позволяло строить на его словах определенные расчеты. Скажу прямо: я не ожидал, что Черчилль уже настолько «созрел» для англо-советского сближения, но ответил ему в очень оптимистическом тоне.

— Вы были неправы, м-р Черчилль, в отношении нашего нового Советского государства в 1919 г., но я не хочу сейчас возбуждать споры о прошлом. Зато я готов вести разговоры о настоящем и будущем, которое нас сейчас интересует... Так вот, могу Вас твердо заверить, что никаких посягательств на Британскую империю Советский Союз не имеет и больше всего хочет жить в мире и дружбе с Вашей страной... Это не обман и не просто звонкая фраза. Это подлинная логика нашего положения. Судите сами. От царской империи мы унаследовали громадную, но отсталую, глубоко разоренную страну. Нам нужно дать ей отдохнуть, собраться с силами, шагнуть вперед технически и культурно, хоть немножко отъесться — на все это нужны годы и годы.

Руководители Советского правительства умные люди и крепко следуют логике своих интересов. А логика эта властно диктует им мир, никаких войн и ссор с другими странами. Я поверил логике Вашего положения, как Вы мне его изложили, потому что она показалась мне реалистичной... Подойдите к советской логике положения, только что изложенной мной. столь же реалистично, тогда нам можно будет договориться и на этой базе построить какую-то общую линию политики.

Тут вмешался Ванситтарт и стал настойчиво доказывать, что наши позиции — Черчилля и моя — очень близки и в отношении гитлеровской Германии нам явно по пути. Мы это тоже чувствовали. Общее настроение за столом потеплело, и я позволил себе легкую шутку:

— Помню, как зимой 1920 г. я любовался добротностью британской военной формы на солдатах Красной Армии в Сибири: она пришла туда из Лондона для войск Колчака, но... в конце концов оказалась на плечах красноармейцев...

Черчилль усмехнулся и мягко бросил:

— На войне всякое бывает.

— Не стоит поминать прошлого,— заключил Ванситтарт и пригласил мужчин присоединиться к дамам.

В ту ночь, вернувшись домой, под свежим впечатлением беседы с Черчиллем, я написал Литвинову письмо, которое хорошо помню до сих пор. «Два года назад по указанию Советского правительства Вы отправили меня в качестве посла СССР в Лондон. Основной моей задачей было всемерно способствовать улучшению отношений между нашей страной и английскими консерваторами. Вы говорили мне тогда, что не ждете чудес от меня и не рассчитываете на превращение Черчилля в коммуниста, но, однако, надеетесь, что мне удастся все-таки сделать в сплошном валу ледяного торизма, окружающего сейчас в Лондоне наше посольство, отдельные просоветские пробоины, и чем больше, тем лучше. Я два года упорно работал в этом направлении, мобилизовал для этого все имеющиеся в распоряжении посольства и торгпредства силы, и вот на сегодняшний день результат: с большим боем подписано приемлемое для нас торговое соглашение с Англией, а сверх того сделан ряд серьезных просоветских пробоин в консервативном валу вокруг советского посольства. Самыми важными из них я считаю две: постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Роберта Ванситтарта и... кого бы Вы думали?... я... Уинстона Черчилля!

Помните, отпуская меня в Лондон, Вы трезво говорили, что чудес не бывает и Вы не ждете, что я сумею превратить Черчилля в коммуниста. А вот подите же: сегодня вечером я собственными ушами слышал, как Черчилль охотно готов стать другом СССР. Вот какие вещи случаются на свете. В идущей через два дня служебной почте Вы узнаете все подробности о таком превращении, а пока спешу Вас поздравить с таким нашим успехом».

* * *

В начале 1935 г. Англия и Франция, встревоженные приходом Гитлера к власти в Германии, хотели устроить в Берлине совещание с «фюрером» для того, чтобы формально договориться об общих линиях политики вооружений (а фактически для того, чтобы попытаться создать блок против СССР). Гитлер оказался, однако, очень строптивым и едва не привел намечавшиеся переговоры к краху. Тогда в Лондоне и Париже было решено, что министры иностранных дел Англии и Франции едут для переговоров с Гитлером в Берлин.

Как только в Лондоне встал вопрос о поездке министров иностранных дел в Берлин к Гитлеру, в политических кругах британской столицы поднялось глубокое волнение... Кто едет?... Саймон? Убеденный реакционер? Поклонник Гитлера? Этого не хотели допустить все прогрессивные англичане. В конце концов предложили компромисс: от Англии едет не один Саймон, а Саймон и «младший» министр иностранных дел Иден, человек гораздо более гибкий в вопросах внешней политики. Ванситтарт энергично поддержал выдвижение Идена с весьма важным дополнением: надо использовать случай и послать Идена не только в Берлин, но и дальше — в Москву. Я всемерно ухватился за идею Ванситтарта и пустил в ход все свои связи в либеральных и лейбористских кругах, чтобы осуществить первый в истории государственный визит английс-

кого министра в СССР. Два дня спустя меня пригласил к себе сэр Роберт и с радостью сообщил:

— Вчера я разговаривал с Черчиллем; он очень рад, что налаживается поездка Идена в Россию... Уинстон обещал популяризировать в кулуарах парламента необходимость сближения между Англией и Россией. Иначе Британская империя пострадает... Вообще Черчилль в последнее время считает, что Британии по пути с Россией, что старые споры и конфликты надо забыть и восстановить былую Антанту, хотя состав ее сейчас бы был иной... Самое важное ныне для нас и для России создать прочный блок против Германии, особенно учитывая, что ведь и Германия в наши дни другая, чем во времена кайзера.

Я все время держал М. М. Литвинова в курсе событий, связанных с поездкой Идена в Москву, и был очень доволен, что он всячески содействует такому плану. Мне было предписано Советским правительством сопровождать Идена от Берлина до Москвы и принимать участие в московских переговорах с ним.

На вокзале в Москве Идена встречал М. М. Литвинов. Позднее английского министра принял И. В. Сталин в Кремле и имел с ним длительную беседу о международной ситуации и важности англо-советских усилий в борьбе за мир. На приеме присутствовал также В. М. Молотов. Переводчиком был Литвинов, которому я немного помогал. В Москве Идену устроили официальный обед, на котором он и Литвинов обменялись дружескими речами. Ему показали все достопримечательности столицы.

Литвинов поручил мне набросать проект коммюнике для встречи обеих сторон. Мой проект был принят Иденом с незначительными изменениями. Сущность коммюнике сводилась к следующему: «В результате всеисчерпывающего и откровенного обмена мнениями представители обоих правительств констатировали, что в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в одном из основных вопросов международной политики и что этот факт создает прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества между нами в деле мира»².

БЕСЕДА С ЧЕРЧИЛЛЕМ 6 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА

Секретарь Черчилля позвонил по телефону и просил меня приехать к нему в адмиралтейство в 10 час. вечера. Не совсем обычный час для приема послов в Англии, но ведь и время было необычное, да и человек, приглашающий меня, тоже не совсем обычный!

Ночь темная, туманная. На небе низкие, мрачные облака. На улицах хоть глаз выколи. Не без труда я добрался до адмиралтейства. Машина то и дело должна была останавливаться и искать путь. Приехали. Знакомая площадь кажется незнакомой. Клубится туман. Из тумана мрачно подымается, точно какая-то сказочная крепость, здание адмиралтейства. Нигде ни огня, ни человека. Я долго стучал и зронул в разные двери и ворота — мне отвечало только молчание. Что они там — заснули? Или все это огромное учреждение, управляющее 24 часа в сутки движениями британского флота во всех концах земли, вымерло? Я начинал уже терять терпение. Наконец, в длинной арке ворот мелькнул бледный луч света, а за ним показался и заспанный сторож. Я объяснил, в чем дело. Спустя несколько минут я уже сидел в кабинете «первого лорда адмиралтейства».

Черчилль встретил меня приветливой улыбкой. На столе у него стояла бутылка виски и содовая вода. На стенах была коллекция самых разнообразных карт самых разнообразных частей мира с густо нанесенными линиями морских путей. С потолка свешивалась лампа с широким темным абажуром, дававшая очень приятный мягкий свет. Черчилль кивнул на лампу и, наливая виски с содовой, удовлетворенно сказал:

— Эта лампа висела здесь 25 лет назад, когда я первый раз был морским министром. Потом ее сняли. Сейчас ее вновь повесили.

Потом Черчилль подвел меня к какой-то широкой двустворчатой дверце в стенке, распахнул ее, и в глубокой нише я увидел карту Европы с наколотыми в разных местах старыми, полинявшими флажками.

² «Правда», 1.IV.1935.

— Это карта движений германского военного флота во время прошлой войны. Каждое утро в соответствии с данными морской разведки флажки перекальвались, так что в каждый момент мы знали, где находится то или иное немецкое судно. Я заказал эту карту 25 лет назад. Она сохранилась. Теперь она опять пригодится. Надо только освежить флажки.

Я с улыбкой посмотрел на Черчилля и сказал:

— Итак, история повторяется!

— Да, повторяется, и я готов был бы философствовать по поводу своеобразной романтики моего возвращения в этот кабинет с перерывом в четверть века, если бы речь шла не о такой дьявольской работе, как разрушение судов и человеческих жизней.

Мы вернулись к настоящему, и я спросил:

— Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера?

Черчилль вскочил с места и порывисто заходил по кабинету.

— Я только что с ними ознакомился и еще не имел возможности обменяться мнениями с моими коллегами по кабинету. Лично я считаю их абсолютно неприемлемыми. Ведь это же условия завоевателя! Но мы еще не завоеваны! Нет, нет, мы еще не завоеваны!

И Черчилль вновь с раздражением зашагал из угла в угол.

— Некоторые из моих консервативных друзей, — продолжал Черчилль, — рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда.

Впрочем, все это была лишь присказка. Главное, из-за чего Черчилль пригласил меня к себе в столь поздний час, сводилось к желанию поговорить со мной о состоянии англо-советских отношений.

Черчилль выслушал мою оценку англо-советских отношений в тот момент. Затем в течение почти часа он излагал взгляды британского правительства по этому вопросу. В основном эти взгляды сводились к следующему.

Англо-советские отношения, по его мнению, всегда были отравлены ядом взаимных подозрений, а сейчас больше, чем когда бы то ни было раньше. Каковы эти подозрения? Англия подозревает СССР в том, что он заключил военный союз с Германией и в один прекрасный день выступит открыто против западных держав на стороне Гитлера. Лично Черчилль в это не верит, но многие (в том числе и в правительственных кругах) верят. Данное обстоятельство, конечно, не может не отражаться на общем характере отношений Англии к СССР... С другой стороны, СССР подозревает Англию в том, что она ведет против него враждебную политику и устраивает против него всякие махинации в Прибалтике, в Турции, на Балканах и т. д. Данное обстоятельство тоже не может не отражаться на характере отношений СССР к Англии. Черчиллю понятно, почему наши подозрения особенно обострены в настоящий момент. Англо-франко-советские переговоры о пакте велись откровенно (мне было известно его мнение на этот счет), и, конечно, они оставили в сознании и памяти Москвы плохие воспоминания. Однако пусть мертвые хоронят мертвых. Важнее настоящее и будущее. И вот об этом-то он и хочет говорить.

Его исходная точка — это то, что основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются. Стало быть, нет причин для плохих или неудовлетворительных между ними отношений. В самом деле, каково положение сейчас?

В результате событий последних недель восток и юго-восток Европы оказались вне зоны войны. Хорошо это или плохо с точки зрения правильно понятых британских интересов? Хорошо. И потому в данном вопросе интересы обеих сторон не сталкиваются, а, скорее, совпадают. Пусть нас не смущают критика и раздражение, которыми советско-германский пакт о ненападении и последующие шаги Советского правительства были встречены в Англии вначале. Это был результат неожиданности. Теперь люди начинают видеть вещи в более правильной перспективе.

Далее, Прибалтика. СССР становится хозяином восточной части Балтийского моря. Хорошо это или плохо с точки зрения британских интересов? Хорошо. По существу же последние действия Советского правительства в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный «Lebensraum» («жизненное пространство») Гитлера.

Наконец, Балканы и Черное море. Черчилль подошел к большой карте Европы и размашисто провел пальцем черту, проходящую примерно по линии новой советско-германской демаркационной линии, северу Румынии и Югославии. Потом он воскликнул:

— Дальше Германию пускать нельзя! Особенно же важно не пускать Германию к Черному морю.

И Черчилль со страстью стал доказывать, что если Германия выйдет к устью Дуная, то она не только захватит Балканы, но неизбежно потянется также к Малой Азии, Ирану, Индии. Она захочет владеть Украиной и Баку. Этого не следует допускать.

Англия заинтересована не пустить Германию к Черному морю. Отсюда вытекает балканская политика Англии, ее дружба с Турцией, ее желание иметь возможность в случае крайности послать свой флот через проливы. Но если бы СССР один или СССР совместно с Турцией закрыли подступы к Черному морю для Германии, Англия могла бы свернуть свою балканскую политику и отказаться от права прохода через проливы. У Англии достаточно хлопот в других частях мира.

Какой же вытекал из всего вышесказанного вывод?

Вывод тот, что и в настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть основа для добрых отношений между обеими странами.

Я спросил, разделяет ли кабинет те мысли, которые Черчилль только что развивал предо мной? Я ведь не мог забыть, что еще совсем недавно Черчилль находился в жесткой оппозиции к британскому правительству, в частности к Чемберлену. Черчилль ответил:

— Конечно, кабинет не отвечает за каждый нюанс моих высказываний, но в основном и существенном то, что я вам сказал, отражает взгляды всего правительства. Сам же Черчилль считал, что, пожалуй, лучшим способом для смягчения напряжения могло бы быть развертывание торговых операций. При прощании он просил меня поддерживать с ним тесный контакт и обращаться без стеснения в случае надобности.

Возвращаясь домой по темным, насупленным улицам, я невольно задавался вопросом: почему этот ответственный разговор со мной вел Черчилль, а не Галифакс? Нахожу для этого два объяснения: руководящая роль, которую Черчилль все более завоевывал в кабинете, и крайнее раздражение Галифакса против СССР со времени советско-германского пакта, делавшее его неподходящим деятелем с точки зрения улучшения англо-советских отношений.

Следует также отметить, что Черчилль, выдавая себя за выразителя взглядов всего тогдашнего английского кабинета, перехлестывал. В военном кабинете Н. Чемберлена, сформированном 3 сентября 1939 г., преобладающее место, особенно в области внешних дел, еще занимали отпетые мюнхенцы (Чемберлен, Галифакс, Саймон, Хор), стремившиеся превратить начавшуюся войну с Германией в общий антисоветский военный поход против СССР. Да и сам Черчилль, несмотря на его реалистическую в тот момент оценку международной политической обстановки, отнюдь не отказался от своего антикоммунистического кредо, что, как мы знаем, не раз давало себя сильно знать.

БЕСЕДА С ЧЕРЧИЛЛЕМ 13 НОЯБРЯ 1939 ГОДА

В этот день я завтракал с Черчиллем и Брэндон-Бракемом на квартире у Брэндон-Бракема в Вестминстере. Снаружи — совсем невзрачный, маленький, подслеповатый домик, внутри — прекрасно обставленная современная квартира интеллигентного буржуа.

Черчилль приехал с небольшим опозданием прямо с заседания военного кабинета. Вид у него был прекрасный: посвежел, помолодел, полон энергии, ходил точно на пружинах. Доволен властью, доволен своим министерством, доволен возможностью приложить свои силы к большому делу, доволен, мне кажется, также сознанием, ощущением, ожиданием крупных перспектив, которые перед ним открывала история.

Я заговорил о желании Советского Союза улучшить отношения с Англией. Черчилль сразу оживился и воскликнул:

— Это очень хорошо! Самое важное, чтобы было желание. Если желание имеется, найдутся пути и средства для его реализации.

И тут же, с места в карьер, Черчилль стал стремительно развивать свою давнишнюю идею, что подлинные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются и что это создает солидную базу для добрых отношений между обеими странами.

Я возразил, что на первый взгляд это как будто бы и так, но почему тогда английская дипломатия в последние два-три месяца систематически работает против СССР во всех концах мира, где наши интересы так или иначе соприкасаются с британскими,— на Дальнем Востоке, на Ближнем Востоке, на Балканах, в Скандинавии, в Финляндии.

— В этом нет ничего удивительного,— откликнулся Черчилль.— Крутой поворот в вашей внешней политике в конце августа явился для нас большим шоком. Потом в течение двух месяцев войны нам была неясна ваша позиция. Многие думали, что у вас есть союз с Германией (хотя я в это никогда не верил) и что не сегодня-завтра мы окажемся с вами в состоянии открытой вражды. В такой обстановке на поверхность всплыли застарелые предрассудки, страхи, подозрения и т. д. Это не могло не отразиться и на нашем государственном аппарате. Местные органы, отдельные чиновники ударились в антисоветские интриги. Однако это вовсе не является политикой правительства.

Я не согласился с Черчиллем и привел ему ряд примеров, свидетельствующих о том, что речь идет не об излишнем усердии индивидуальных послов или адмиралов, а о проведении в жизнь определенных инструкций, идущих на места из Лондона. Черчилль был несколько встревожен и сказал:

— Я заинтересуюсь этим делом и, если то, что вы говорите, верно, постараюсь выправить положение.

Потом разговор зашел о Финляндии. Инициатива принадлежала Черчиллю. Он подробно расспрашивал меня о подробностях наших переговоров, а также о наших дальнейших намерениях. Я опять пожаловался Черчиллю на поведение английской дипломатии — она все время подстрекает Финляндию. В результате вмешательства Лондона затрудняется возможность соглашения между Москвой и Хельсинки. Зачем это делает британская дипломатия? Не знаю. Вероятно, просто из желания нам напакоstitь, ибо ничего реального для Финляндии Англия не в состоянии сделать. Пока Лондон занимается подобными интригами против СССР в Финляндии и в других частях света, трудно думать об улучшении отношений между обеими странами.

— Мой взгляд на поднятый вами вопрос таков,— отвечал Черчилль.— Россия имеет все основания и должна быть доминирующей державой на Балтийском море. Пусть лучше Россия, чем Германия. Это в наших британских интересах. Я не вижу, почему мы должны вам ставить палки в колеса, когда вы создаете себе морские и воздушные базы на Балтийском берегу. Ваши претензии к Финляндии я нахожу вполне естественными и нормальными. Смехотворно, в самом деле, чтобы Ленинград находился под обстрелом дальнобойных орудий с финской границы или чтобы финские острова запирали вход в Кронштадтский залив. Конечно, вы вправе требовать от финнов ректификации границы на Карельском перешейке и передачи вам нескольких островов в Финском заливе. Не вижу я также, почему вы не должны иметь морской базы при входе в Финский залив. Чем сильнее будут ваши позиции на Балтике, тем лучше для вас и для нас, ибо тем хуже для Германии. Финны могут торговаться и спорить с вами из-за размеров компенсации, которую вы готовы дать, это их полное право, но они не могут вам «принципиально» отказывать в той или иной базе, в том или ином куске приграничной территории.

И потом, затянувшись сигарой, Черчилль задумчиво прибавил:

— Мое чувство историчности заставляет меня подойти к вопросу о Прибалтике еще так. Почему Россия потеряла Прибалтику? Потому что она выступила нашим союзником в прошлую войну и оказала нам при этом громадные услуги, особенно в начале войны: если бы не Россия, битва на Марне кончилась бы нашим поражением, и весь исход войны оказался бы, вероятно, иным. Я считаю поэтому, что у Англии и Франции есть исторический долг перед Россией — безразлично, какой Россией, перед Россией вообще, и на нас сейчас лежит моральная обязанность помочь СССР укрепить свои позиции на Балтийском море.

— Великолепно! — отозвался я.— Но тем безобразнее поведение английской дипломатии в Финляндии и в Скандинавии.

— Я займусь и этим вопросом,— ответил Черчилль.— Финляндия не должна стоять препятствием на пути сближения между Англией и СССР, что является главной задачей моей политики.—И Черчилль намекнул, что он постарается устроить так, чтобы английская дипломатия «посоветовала» Финляндии мирно урегулировать свои дела с СССР.

Однако и в этом случае, как свидетельствуют последовавшие события (начало военного конфликта между СССР и Финляндией 30 ноября 1939 г.), Черчилль переоценивал свое влияние в кабинете Н. Чемберлена. Кроме того, надо иметь в виду, что в приведенных выше рассуждениях Черчилля о Прибалтике и Финляндии была своя подоплека. Как видно из его мемуаров, он полагал, что Англии выгодно не препятствовать созданию Советским Союзом военно-морских баз в этой части Европы, ибо они «необходимы исключительно против Германии и в процессе их получения выявится острый антагонизм между русскими и германскими интересами»³. Важно также отметить, что в период советско-финского военного конфликта Черчилль, верный своему антикоммунистическому кредо, выступил, по поручению английского кабинета, за оказание военной помощи правительству Таннера.

Продолжение следует

³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. London, 1949, p. 667.